

УДК 94(420).086

Е.В. Хахалкина

**БРИТАНО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В 1957–1958 гг.**

Анализируются англо-французские отношения в период оформления Европейского экономического сообщества и Европейского сообщества по атомной энергии и обсуждения британского проекта зоны свободной торговли как части более масштабного и мало известного в отечественной историографии «великого проекта» Г. Макмиллана. Показана взаимосвязь британских инициатив по объединению европейских стран с вопросами военно-политической интеграции, трансатлантическими отношениями и процессами деколонизации.

Ключевые слова: европейская интеграция, Великобритания, Франция, Г. Макмиллан, Ш. де Голль.

После Второй мировой войны в западноевропейских странах активно обсуждались две модели европейского объединения – на межправительственной и наднациональной основе. Первая была предложена и озвучена в сентябре 1946 г. в Цюрихской речи У. Черчилля. В ней он предлагал создать Совет Европы – как средство преодоления франко-германских противоречий и укрепления Западной Европы в условиях разворачивавшейся конфронтации двух сверхдержав. Вторая модель была предложена Францией в лице Ж. Монне. Он выступал за наднациональный подход к объединению западноевропейских государств, что объяснялось опытом его работы в Лиге наций в межвоенный период. Служба в этой организации убедила его в неэффективности межправительственной модели сотрудничества, на первый план в которой, по его мнению, выходили эгоистические национальные интересы [1. Р. 11].

Великобритания реализовала идею У. Черчилля в 1949 г., создав Совет Европы. Эта структура не предполагала развития в «общеевропейское правительство», что объективно нивелировало ее суть по сравнению с французскими предложениями [2. С. 21]. Франция разработала к началу 1950 г. проект Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), предполагающий передачу части национального суверенитета на наднациональный уровень для управления угольной и сталелитейной отраслями промышленности. К обсуждению проекта наряду с ФРГ, Италией и странами Бенлюкса была приглашена и Великобритания. Но она отказалась от полноценного участия в создаваемой структуре. Ее не устраивала ни экономическая составляющая плана – передача части государственного контроля над соответствующими отраслями промышленности, ни политическая – передача части суверенитета на надгосударственный уровень. Решение же германского вопроса

мыслилось Лондоном, прежде всего, за счет участия ФРГ в НАТО. В 1951 г. был подписан договор о создании ЕОУС в составе шести стран. В 1955 г. на конференции Шестерки (такое название закрепилось за государствами-основателями наднациональных структур) в Мессине на Сицилии было принято решение о продолжении интеграции в экономической области и начале объединения в атомной сфере. Началась разработка проектов о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Великобританию этот план, как и прежние проекты, разрабатываемые в рамках наднациональной модели интеграции, не заинтересовал. Гораздо больше внимания англичане в этот период уделяли проблемам ближневосточного региона. Национализация Суэцкого канала в июле 1956 г. египетским президентом Г.А. Насером привела к возникновению острого международного конфликта. Суэцкий кризис продемонстрировал изменение соотношения сил в регионе в пользу освободившихся от колониальной политики государств. Великобритании, привыкшей считать регион Ближнего и Среднего Востока сферой своих преимущественных интересов, пришлось считаться с изменившейся ситуацией.

В конце декабря 1956 г. премьер-министр Великобритании А. Иден подал в отставку. Новым премьером в начале января 1957 г. стал Г. Макмиллан. Одним из его первых шагов стало формулирование адекватного «ответа» на интеграционные инициативы Шестерки. В середине января министр иностранных дел С. Ллойд представил проект создания на широкой межправительственной основе европейской организации с Великобританией в качестве лидера. Этот амбициозный план получил название «великого проекта». Его реализация была призвана разрешить трудности страны в трех сферах британской политики – англ-

ло-американских «особых» отношениях, связях с Содружеством и европейских делах.

Основа плана под громким названием «великий проект» была разработана еще в 1956 г. и в начале января 1957 г. была представлена кабинету министров министром иностранных дел Великобритании С. Ллойдом. В документе, состоявшем из трех частей, излагался план по созданию военно-политического и экономического союза европейских государств. В проекте допускалась возможность создания военно-политического объединения на основе Западноевропейского союза (ЗЕС), в который входили Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург. Главный акцент в этой части проекта был сделан на развитии атомной программы Лондона. Посредством привлечения материальных, финансовых и технических ресурсов государств-членов ЗЕС британское правительство рассчитывало начать выполнение программы создания мегатонной бомбы и всех средств ее доставки к цели. Другие страны-участницы будущей военно-политической ассоциации, в свою очередь, через сотрудничество с Лондоном в атомной сфере, могли рассчитывать на получение доступа к технической информации создания ядерного оружия.

Развитие военного сотрудничества стран-участниц ЗЕС на практике могло привести к созданию политической ассоциации, и в данном случае британская сторона могла перехватить инициативу у Парижа. Совпадение времени появления «великого проекта» с подготовкой странами Шестерки договоров о создании ЕЭС и Евратома дает возможность предположить, что в Лондоне рассматривали инициативы шести стран как угрозу влиянию страны в Европе. Атомная сфера представлялась британскому правительству той областью, которая потенциально могла заинтересовать европейские государства в английском проекте благодаря тому, что пока Великобритания была единственной европейской державой, владевшей атомным оружием. Обладание таким важным стратегическим преимуществом давало британскому руководству возможность если не воспрепятствовать созданию ядерной бомбы другой европейской страной, то, во всяком случае, контролировать данный процесс. Лондон явно преследовал цель затормозить подписание готовящихся соглашений с тем, чтобы предложить свой план интеграции. Идея создания единой консультативной структуры (обозначенной в проекте как парламентская ассамблея) посредством установления институциональных связей между ЕЭС, ЗЕС и Советом Европы отражала стремление британ-

ских правящих кругов «растворить» ЕЭС в более широком объединении, построенном на межправительственной основе. Не случайно, что будущая организация должна была всячески содействовать укреплению англо-американских «особых отношений» и усилению Атлантического союза [4. Р. 105]. Реакция кабинета министров на проект С. Ллойда носила неоднозначный характер. Правительство не спешило с поддержкой «великого проекта». Так, министр по делам Содружества заметил, что реализация проекта требует консультации не только с Соединенными Штатами, но и с некоторыми членами Содружества, поскольку европейские инициативы Лондона не должны идти вразрез с политикой, проводимой в отношении колониальных и получивших независимость стран.

Политическая значимость Содружества для консервативного кабинета Г. Макмиллана была существенной в силу исторической традиции – партия тори в прежние времена именовалась партией империи [5. С. 113]. Содружество, пришедшее ей на смену, рассматривалось британской правящей элитой как способ поддержания статуса страны как великой державы на мировой арене. Выделение британскими политиками отношений со странами Содружества в качестве составной части «великого проекта» отражало желание правящей элиты сохранить империю в преобразованном виде. В Лондоне полагали, что включение не только западноевропейских государств, но и стран Содружества в будущий союз могло позволить Лондону претендовать с большим основанием на роль лидера международной ассоциации [6. Р. 270; 7. С. 172].

Окончательным решением кабинета стало признание целесообразности осуществления только экономической части проекта [4. Р.108] или так называемого «Плана Г», ставшего своеобразным «ответом» на решения Мессинской конференции и предполагавшего создание промышленной зоны свободной торговли европейских государств. Впервые «план Г» был вынесен министром торговли в правительстве А. Идена П. Торникрофтом на обсуждение кабинета министров в октябре 1956 г. [8. Р. 168; 9. Р. 57, 75–76]. Осуществление идеи зоны свободной торговли (ЗСТ) могло содействовать решению многих задач. В частности, ее учреждение могло дать возможность «построить новую модель взаимоотношений Лондона с американской администрацией и повысить престиж консервативной партии как внутри страны, так и на международной арене» посредством усиления, прежде всего, экономических позиций. Активное вни-

мание континентальных стран к идеям общего рынка и зоны свободной торговли в 1950-е гг. создавало, как считали политики, необходимые условия для реализации британской инициативы экономической интеграции, которая в перспективе могла привести к захвату «политического лидерства» Великобритании в Западной Европе.

Стоит отметить, что важным фактором, повлиявшим на корректировку подходов британского правительства к формированию европейской политики, стала экономическая ситуация внутри самой Великобритании и мире в целом. К концу 1950-х гг. правительственные и независимые эксперты в области экономики причиной финансовых проблем страны в послевоенное время назвали сложившуюся в Соединенном Королевстве структуру внешнеэкономических связей. Лондон гораздо в большей степени ориентировался на отношения со странами Содружества, чем с Западной Европой, тогда как самый быстрый рост мирового товарооборота приходился на индустриально развитые европейские государства [9. Р. 28]. Именно поэтому, считали британские эксперты, к началу 1957 г. Лондон столкнулся с проблемами в платежном балансе страны и с падением темпов экономического роста [10. Р. 28]. Надо отметить, что среди экономических трудностей, с которыми столкнулась Великобритания в 1950-е годы, экономисты называют низкий уровень промышленного роста, который составлял меньше половины уровня роста таких западноевропейских государств, как ФРГ, Италия, Нидерланды, Франция, Австрия, низкий уровень экспортной торговли, периодические кризисы платежного баланса и инфляционные трудности. На фоне этих трудностей единственными «яркими пятнами» экономической ситуации страны, по мнению исследователей, была полная занятость и относительно высокий уровень жизни в Великобритании в конце 1950-х гг. по сравнению с другими европейскими странами [11. Р. 162–163, 180–181, 190, 197, 199; 12. Р. 58]. В условиях продолжающегося процесса распада колониальных империй Г. Макмиллан ставил задачу сохранения роли страны на международной арене, и адекватным решением этой задачи могло стать лидерство в процессе европейской интеграции. Единственным серьезным конкурентом Великобритании при решении этой задачи была Франция.

Проект ЗСТ должен был устранить конкуренцию со стороны Парижа. Британское правительство рассматривало предлагаемый проект как явно выигрывающий по сравнению с французскими предложениями по организации Общей сельско-

хозяйственной политики (ОСП) ЕЭС. Британский проект отличался от проекта Общего рынка двумя важными чертами. Во-первых, он не предполагал установления единых тарифов в торговле с третьими странами, иначе мог быть нанесен ущерб преференциальной торговле со странами Содружества. Во-вторых, Г. Макмиллан предлагал не включать в ЗСТ торговлю сельскохозяйственной продукцией. Такая позиция Великобритании была обусловлена тем, что Лондон с начала 1930-х гг. был связан со странами Содружества имперскими преференциями – предпочтительными тарифами, которые позволяли ввозить из этих стран сырье и продовольствие по сниженным ценам. Хотя после Второй мировой войны значение системы преференций постепенно сокращалось, что было связано со стремлением наиболее развитых государств-членов Содружества (Австралии, Новой Зеландии) развивать свою промышленность и расширять торговые отношения с другими странами, в частности США, поддержание экономических связей с бывшими колониями и доминионами по-прежнему имело важное значение для экономического развития Великобритании [13. С. 124]. Кроме того, в отличие от проекта стран Шестерки, британская зона свободной торговли должна была действовать в рамках ОЕЭС [14. С. 119] и согласно принципам Генерального Соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ).

В начале февраля 1957 г. на заседании Совета ОЕЭС было принято решение провести официальные переговоры о создании ЗСТ [14. С. 122; 15. С. 208]. Однако начавшееся обсуждение выявило наличие существенных разногласий среди участников. Прежде всего, неопределенной была позиция Франции, что объяснялось сложной внутриполитической ситуацией в стране и нерешенностью колониальных проблем. По мнению М.-Г. Мельчионни, сомнения в политических кругах Франции в выгоде участия в континентальной интеграции усилились, когда страны Шестерки вступили в переговоры о создании зоны свободной торговли [16. С. 153]. Как и предполагал Г. Макмиллан, позиции участников разошлись по вопросу выработки совместной политики в области торговли продуктами сельского хозяйства. В тактических целях премьер-министр считал необходимым проводить переговоры по этому вопросу, но полагал, что усилия Лондона в ходе обсуждения проекта должны быть направлены на создание зоны торговли промышленными товарами. Переговоры показали отсутствие единства взглядов в правительственных кругах Великобритании, несмотря на мнение экономических экспертов о

необходимости изменить внешнеэкономическую структуру страны. В позиции членов британской делегации на переговорах явно прослеживалось стремление скорее избежать ослабления отношений со странами Содружества, чем развивать связи с Европой.

Основным упущением британской дипломатии на данном этапе была ничем не оправданная уверенность в способности убедить европейские страны отдать предпочтение плану создания зоны свободной торговли. Но оказалось, что высокие внешние тарифы и другие потенциально ограничительные меры в отношении третьих стран, устанавливаемые посредством создания Общего рынка, были гораздо более приемлемыми для экономических либералов внутри Сообщества, особенно в ФРГ и Голландии, чем идеи ЗСТ. Как указывает М. Кэмпс, «Шестерка не была готова совместить свои переговоры по Общему рынку с обсуждением британского плана ЗСТ для того чтобы вместе выработать решения тех проблем, с которыми столкнулась реализация двух проектов» [17. Р. 103, 110]. Со своей стороны страны «Шестерки», и особенно Франция в лице Ж. Монне, опасались, что ЗСТ может помешать созданию институтов ЕЭС, поскольку осуществление британской инициативы предполагало подчинение институтов ЕОУС, Общего Рынка и Евратома единой Ассамблее под эгидой ОЕЭС, а значит, под контролем Лондона.

Дипломатия Соединенных Штатов внимательно следила за ходом переговоров между Великобританией и шестью странами. Документ, подготовленный госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом, детально изучившим «великий проект» Г. Макмиллана, отражал подозрения Вашингтона относительно мотивов европейской политики Лондона. Дж. Ф. Даллес выразил опасение, что усилия британского правительства по реализации ЗСТ, не предполагающей развития политического союза, могут способствовать «выхолащиванию» сути европейской интеграции. Госсекретарь в этой связи подчеркивал, что создание Общего рынка и Евратома имеет первостепенное значение для укрепления «атлантической конструкции НАТО» [18. Р. 535–536]. В начале марта 1957 г. переговоры стран «Шестерки» вступили в завершающую стадию. 25 марта 1957 г. в Риме были подписаны договоры о создании ЕЭС и Евратома. Премьер Г. Макмиллан в апреле 1957 г. признал, что официальные переговоры о союзе между Общим рынком и ЗСТ могут зайти в тупик уже в конце мая [19. Р.115]. Стало очевидно, что предположение британских правительственных экспертов о том,

что провал в 1954 г. идеи Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) последовательно приведет к провалу других интеграционных идей, было ошибочным [10. Р. 27].

Для Франции первоочередной задачей в рамках экономической интеграции было сохранение своих колониальных позиций. В Кэ Д'Орсэ добились привилегированных условий по вложению капиталов в своих африканских колониях в рамках Общего рынка. Симптоматично, что Париж выступал за такие условия, при которых совершать капиталовложения в экономику африканских владений Франции должны были все государства ЕЭС, но только Париж мог бы вести торговлю и совершать валютно-экономические операции в своих владениях на выгодных для себя условиях. Как показали события, переговоры по созданию ЗСТ дали обратный ожиданиям британского руководства результат. Они способствовали ускорению интеграционных процессов в Европе в рамках наднациональной модели [12. Р. 64]. Если Суэцкий кризис 1956 г. послужил катализатором развития атомной интеграции, то британская инициатива и подспудное желание Г. Макмиллана помешать усилению Франции на континенте ускорили создание Общего рынка. Важность и последствия подписания соглашений в Риме не сразу были осознаны правящей элитой. Неизбежность перехода страны на положение региональной державы требовала осознания британским обществом. Определенное воздействие на восприятие международных событий оказывало так называемое «островное мышление». Страны бывшей империи, а не государства Западной Европы, по-прежнему психологически воспринимались как более близкие и «свои» большей частью правительственных кругов и населения [20. С. 9; 21. С. 46; 22. С. 281].

Сложность ситуации заключалась в том, что Г. Макмиллану, по существу, можно было только изменить акценты в проекте ЗСТ, не меняя его сути. Великобритания не могла предложить европейским государствам ни установления единых тарифов в отношении третьих стран, ни существенных уступок в вопросе сельскохозяйственной политики. Эти проблемы по-прежнему оставались центральными в повестке дня на переговорах. Г. Макмиллан считал возможным в тактических целях продолжить обсуждение плана ЗСТ, тем более, что необходимость ратификации Римских соглашений позволяла главе британского правительства «выиграть время». Этому способствовало и то, что вопрос о сущности интеграции в экономической и атомной сферах долгое время оставался одним из самых дискутируемых в Западной Евро-

пе даже после подписания Римских договоров. Однако в начале мая 1957 г. Г. Макмиллан на заседании кабинета охарактеризовал ситуацию обсуждения вопроса ЗСТ как серьезную. Высокая вероятность того, что переговоры не возобновятся в связи с оформлением ЕЭС и Евратома, заставляла премьер-министра искать способы возвращения стран Общего рынка в переговорный процесс. В ходе визита в Бонн в середине мая премьер-министр пытался убедить канцлера ФРГ К. Аденауэра оказать поддержку британскому плану. Он обрисовал отказ от создания зоны свободной торговли как путь к «дезинтеграции любой большой европейской политики» и, как следствие, к «коллапсу НАТО и существующей системы обороны». В ответ на эти доводы К. Аденауэр заверил Г. Макмиллана в поддержке проекта. Французское правительство также пообещало возобновить переговоры, но только после ратификации Римских соглашений. Тем не менее британский премьер подозревал, что Бонн и Париж приняли решение использовать тактику «затягивания времени» до официального вступления в силу подписанных договоров 1 января 1958 г.

Помимо мер дипломатического характера, Г. Макмиллан, с целью продвижения и популяризации концепции европейской зоны свободной торговли, решил повысить политическую значимость проекта. Демонстрация готовности Великобритании взять на себя долгосрочные обязательства на европейском континенте могла, по его мнению, привести к успеху переговоров [8. Р. 435–436]. Между тем обсуждение проекта Г. Макмиллана в мае 1957 г. в палате общин продемонстрировало отсутствие единства в парламенте по вопросу участия страны в европейской интеграции, что, в свою очередь, объективно затрудняло продвижение проекта. Парламентарии высказывали сомнения в том, что Содружеству будут предоставлены те же условия, что и французским колониям, и продукция британских доминионов не будет облагаться пошлинами в рамках Общего рынка. В свою очередь, участники продолжившихся переговоров, защищая свои сельскохозяйственные рынки, требовали от Лондона включения продовольственных товаров в сферу действия ЗСТ, вынуждая британскую делегацию идти на уступки. Но британская сторона была готова включить в торговую зону только определенный круг продовольственных товаров [8. Р. 438–439]. 7 августа 1957 г. Г. Макмиллан предложил назначить энергичного и проевропейски настроенного Р. Модлинга, занимавшего должность главного казначея страны, ответственным за переговоры с государ-

ствами-участниками ОЕЭС. 16 октября Совет ОЕЭС официально назначил его председателем соответствующего межправительственного комитета [23. Р. 315]. На заседании парламентской ассамблеи Совета Европы он доказывал своим европейским коллегам, что для Великобритании Содружество является не только вопросом торговли, но и «существенным фактом британской психологии», что следует учитывать при обсуждении проекта [24. Р. 17].

В октябре 1957 г. Р. Модлинг сообщил своим коллегам-министрам, что в целом европейские страны настроены благожелательно в отношении британского проекта. Западная Германия, Бельгия и Нидерланды поддерживали проект ЗСТ по экономическим соображениям, в то время как Франция и Италия симпатизировали плану по причинам политического характера. Скандинавские страны, Швейцария и Австрия также поддерживали проект, в то время как Дания испытывала сомнения в связи с ее трудностями в экспорте продовольственных товаров [8. Р. 439–440]. Эти оценки, как показали события, носили излишне оптимистический характер, британская сторона явно недооценивала достижения «Шестерки» в сфере интеграции и позиции Франции в группировке.

Обсуждение вопроса ЗСТ в ходе парламентских дебатов в ноябре 1957 г. показывало слабое информирование депутатов палаты общин о ходе переговоров в Париже. В частности, один из парламентариев заметил, что проект ЗСТ подробно не обсуждался в палате общин с 26 ноября 1956 г. [25. Col. 761]. Сама идея торговой зоны преподносилась как парламентскому истеблишменту, так и широкой общественности в экономическом оформлении выгодного торгового соглашения. Такой ракурс рассмотрения проблемы участия страны в европейской торговой организации, вероятно, должен был помочь Г. Макмиллану избежать внутривнутриполитической конфронтации как со стороны лейбористов, так и со стороны консерваторов [26. С. 14]. Очевидной была приверженность как политической элиты, так и самого премьер-министра классическому подходу Великобритании к европейским делам, выраженному в формуле У. Черчилля: «Мы с Европой, но не в ней» [27. С. 393], что психологически затрудняло поиск новой роли в интеграционном движении.

В своей «славной речи» в палате общин 5 ноября 1957 г. премьер-министр Великобритании обозначил идею ЗСТ как инструмент для установления эффективной торговой системы в Западной Европе, функционированию и процветанию кото-

рой угрожает создание в регионе двух или трех торговых блоков. Г. Макмиллан имел в виду то, что в Европе уже существовали две экономические группировки – «Общий рынок» и Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Третьей могло стать объединение так называемой «Внешней Семерки» – государств, не вошедших в состав ЕЭС. Такой раскол Европы на отдельные торгово-экономические блоки, по мнению премьер-министра, угрожал серьезно ослабить западную систему безопасности [28. Р. 203; 25. Col. 32–33].

Подобные оценки проекта демонстрировали доминирование экономической составляющей плана ЗСТ над его политическим содержанием. Парламентариев интересовал, прежде всего, вопрос экономической выгоды британского участия в торговой зоне и конкурентоспособности страны на европейских рынках. Так, депутаты отмечали значение доступа растущей индустрии британского автомобилестроения и отраслей тяжелой промышленности на континентальные рынки. По подсчетам британских экономистов, импорт автомобилей в будущую торговую зону удвоился с 1950 по 1957 г., и к 1970 г. должен был увеличиться в 4 раза. В случае создания Общего рынка британские производители могли оказаться исключенными на 70 % из потенциального рынка ЗСТ [25. Col. 278–279].

1 января 1958 г. после довольно короткого периода ратификации официально вступили в силу Римские договоры [23. Р. 312]. Г. Макмиллан отмечал в своих мемуарах, что это событие не символизировало провала переговоров по ЗСТ. Только к началу марта 1958 г. стало ясно, что вопросы сельскохозяйственной политики не были центральным пунктом разногласий. Неопределенность решения этих вопросов шестью странами в рамках Общего рынка отодвигала на задний план обсуждение этих проблем в ОЕЭС. Кроме того, стало явным нежелание Франции участвовать в дискуссиях по проблеме создания ЗСТ. Французская позиция определялась тем, что крупные производители опасались конкуренции не только западногерманской, но и английской продукции. Кроме того, в Четвертой Республике набирало силу движение федералистов, которые были обеспокоены политической составляющей европейской интеграции и стремились затормозить участие в ней Франции. Ситуацию для британской стороны осложняло и то, что Г. Макмиллан по-прежнему считал стратегически важным достижение положительного результата по вопросу ЗСТ до конца июля с тем, чтобы снижение таможенных ограничений в Общем рынке и ЗСТ произошло одновре-

менно. В Лондоне полагали, что синхронность сокращения тарифов с 1 января 1959 г., как было намечено в Римском договоре, могла в перспективе позволить Великобритании «поглотить» Общий рынок и реализовать в полной мере британский проект.

16 апреля очередное французское правительство во главе с Ф. Гайаром подало в отставку. В тот же день канцлер ФРГ К. Аденауэр прибыл в Лондон с официальным визитом. Г. Макмиллан коснулся в разговоре с ним проблемы ЗСТ, но поддержка К. Аденауэра при отсутствии действующего кабинета во Франции вряд ли могла серьезно повлиять на ход переговоров. Только 14 мая во Франции был сформирован кабинет [8. Р. 440–443]. Его деятельность продолжалась ровно две недели вплоть до начала революционных событий в Алжире, поставивших Францию на грань гражданской войны. В этих условиях президент Франции Р. Коти обратился к «самому знаменитому французу» Ш. де Голлю с предложением сформировать правительство. 1 июня 1958 г. Национальное собрание большинством голосов поддержало его кандидатуру на пост премьер-министра [29. С. 97]. Возвращение к власти генерала де Голля придало особую значимость европейской интеграции. Появление на политической сцене Франции человека, способного возглавить движение в сторону возвращения утраченного величия страны на международной арене и решить комплекс как внутренних, так и внешних проблем IV Республики, стало поворотным пунктом в отношениях двух государств [10. Р. 7].

Г. Макмиллан почти сразу попытался установить дружеские дипломатические отношения с новым лидером Франции. Известное негативное отношение де Голля к наднациональным институтам и федеративной модели европейской интеграции британский премьер надеялся использовать для продвижения идеи европейской торговой зоны. В письме, отправленном Ш. де Голлю в середине июня, Г. Макмиллан выразил надежду на взаимное сотрудничество двух стран, которых связывало тесное взаимодействие в период Второй мировой войны. 29 июня английский премьер прибыл в Париж. По воспоминаниям генерала, Г. Макмиллан на встрече прибегнул к тактике угроз. Он заявил, что «Общий рынок – это континентальная блокада», следствием которой может быть «война ... – вначале, бесспорно, только экономическая, но чреватая опасностью постепенно охватить другие сферы отношений» [30. С. 317]. Прохладная реакция генерала на эти и другие угрозы и доводы побуждала Г. Макмиллана акцен-

тирывать внимание, как и прежде, на опасности разделения Европы на экономические группировки, сутью которых будет политическое разделение и ослабление западного единства в целом. Уклончивый ответ Ш. де Голля, который в целом положительно оценивал идею ЗСТ, заставлял Макмиллана искать другие способы давления на Францию [8. Р. 449–450].

Сдержанное отношение Франции к плану, предложенному Лондоном, было следствием не столько нежелания де Голля обсуждать именно британский проект, сколько его стремлением решать другие внешнеполитические задачи, не связанные на начальном этапе его деятельности с вопросами развития европейской интеграции. По мнению британского исследователя Ф. Нортиджа, де Голль со времени прихода к власти в июне 1958 г. «был слишком занят превращением Франции в президентскую автократию и не слишком вдавался в детали европейской экономической интеграции... несмотря на очевидную обеспокоенность других членов Шестерки поиском компромисса в отношениях с Великобританией» [23. Р. 319]. В частности, в число внешнеполитических приоритетов французского лидера входило укрепление позиций Франции на международной арене посредством усиления ее влияния в блоке НАТО, в ядерной сфере и во франко-германских отношениях.

17 сентября 1958 г. генерал отправил в Лондон и Вашингтон меморандум, в котором предлагал реконструкцию командования и политической структуры Организации Североатлантического договора по принципу триумvirата США, Великобритании и Франции [31. С. 441–442]. Лидер французской республики указывал в меморандуме, что европейские союзники США по НАТО, за исключением Великобритании, были слабо информированы о проводимых военных операциях в Тайваньском проливе и на Ближнем Востоке, в Ливане и Иордании, что потенциально грозило вовлечением в конфликты европейских стран. В условиях обладания ядерным оружием только двумя западными державами де Голль считал необходимым создание трехсторонней организации, способной вырабатывать решения по проблемам возникновения угрозы ядерного конфликта. Де Голль считал, что «НАТО в ее настоящей форме не отвечает требованиям безопасности мира и, в частности, французским требованиям» [9. Р. 88].

Британское правительство верно оценило ситуацию как возрождение на континенте старых подозрений, «что Великобритания находится отдельно от Европы и безразлична или даже враждебна к европейскому единству».

Во Франции же опасались, что англичане добиваются «установления такой системы внутри блока НАТО, при которой господство принадлежит Америке и Англии, а остальные страны – в рядовых» [9. Р. 50]. Так или иначе, меморандум де Голля, таким образом, существенно ограничил возможности маневрирования Г. Макмиллана в вопросе создания европейской торговой зоны.

Отсутствие ответа на деголлевский меморандум повлекло за собой изменение акцентов во внешнеполитическом курсе Ш. де Голля. Париж, ратифицировав Римские соглашения 1957 г., сделал ставку на развитие европейской интеграции шести стран во главе с Францией. В сентябре 1958 г. на встрече стран ЕЭС в Венеции была достигнута договоренность, что одобрение проекта торговой зоны возможно только при единогласном решении. Это фактически означало, что любая из стран Общего рынка (прежде всего, Франция) могла воспользоваться правом вето. В начале ноября Г. Макмиллан вновь отправил Ш. де Голлю письмо, в котором вновь призвал его серьезно рассмотреть долгосрочные политические последствия неучастия Лондона в европейской интеграции. Г. Макмиллан считал, что для единства Европы против угрозы распространения коммунизма необходима более тесная привязка Великобритании к Европе [8. Р. 456–457].

Для Г. Макмиллана риторика сплочения Европы перед угрозой распространения коммунизма не была всего лишь средством пропаганды. В меморандуме де Голля он увидел угрозу эффективному решению задач Североатлантического блока по укреплению безопасности западного мира, особенно в условиях кризиса доверия, порожденного Суэцкой операцией 1956 г. Именно в период англо-франко-израильской агрессии в конце октября – начале ноября. США вместе с СССР осудили в Совете Безопасности ООН вооруженную акцию против Египта и проголосовали за прекращение военных действий. Эти события и позднее запуск первого искусственного спутника Советским Союзом 4 октября 1957 г. вызвали сомнение в странах Западной Европы в гарантиях США о применении ядерного оружия в случае нападения СССР [32. С. 360].

Все усилия премьер-министра в отношении Франции не дали положительных результатов. 6 ноября 1958 г. состоялась неофициальная встреча министра иностранных дел Франции К. де Мюрвилля с главой британской делегации на переговорах в ОЕЭС Р. Модлингом и главой внешнеполитического ведомства Великобритании С. Ллойдом.

Р. Модлинг в ходе беседы задал французскому представителю прямой вопрос о том, есть ли реальные шансы, что Франция примет британский проект. К. де Мюрвилль ответил, что Париж не заинтересован в осуществлении плана «ни по экономическим, ни по политическим причинам». Как позднее глава МИД Франции признавал в своих мемуарах, это была первая встреча, на которой была обозначена истинная позиция французского правительства [33. Р. 129]. Лондон вновь попытался заручиться поддержкой Соединенных Штатов. Г. Кассиа, британский посол в Вашингтоне, 13 ноября 1958 г. отправил на родину дипломатическую депешу, в которой указал на обеспокоенность в Вашингтоне действиями Лондона. В Госдепартаменте подозревали Англию в стремлении разрушить Общий рынок, что в условиях осложнения франко-американских отношений из-за планов де Голля по реорганизации Североатлантического альянса, для США было ненужным [9. Р. 51–52].

14 ноября 1958 г. министр информации Франции Ж. Сустель сделал официальное заявление, в котором отметил неприемлемый для Парижа характер проекта создания промышленной зоны свободной торговли. В заявлении говорилось о невозможности установления европейской торговой зоны по британской модели «без установления единого внешнего тарифа и гармонизации в экономической и социальной сферах» [23. Р. 319]. Политический подтекст отказа Парижа продолжать переговоры был очевиден. Европейское интеграционное движение давало президенту де Голлю возможность стать его лидером и восстановить престиж своей страны на мировой арене.

Примечательно, что Ш. де Голль, не желая, чтобы Франция выглядела в глазах мирового общественного мнения виновницей провала переговоров, постарался снять ответственность с Парижа. Его расчет на эмоции главы британской делегации оправдался. Р. Модлинг после сделанного французской стороной заявления в крайнем раздражении поспешил сказать о незамедлительном прекращении переговоров, прямо угодив в ловушку, подстроенную де Голлем. Французская сторона официального заявления именно о прекращении обсуждения не делала, а лишь обозначила свою позицию. Действия Р. Модлинга были восприняты в Париже как неуместная «вспышка гнева», тем более что министр информации даже не был ответствен за ведение переговоров и «в любом случае не сказал ничего нового» [33. Р. 130–131].

Процесс переговоров по ЗСТ в 1957–1958 гг. продемонстрировал двойственность подходов Г. Макмиллана к интеграционному движению. С

одной стороны, британское правительство прилагало значительные усилия по продвижению концепции ЗСТ, с другой стороны, было не готово взять на себя долгосрочные обязательства на континенте. Великобритания, выдвигая интеграционные проекты в отношении Западной Европы, преследовала цели обеспечения доступа своих колоний и государств Содружества на рынки западноевропейских стран. При условии, что зависимые территории континентальных метрополий были включены в Общий рынок в качестве ассоциированных членов, англичане ожидали тех же уступок для своих владений. Но эти ожидания натолкнулись на жесткое сопротивление Франции. Г. Макмиллану не удалось воспользоваться сомнениями Ш. де Голля в продолжении интеграции и убедить его в выгодности для обеих сторон британских предложений. Сутью британского подхода к решению проблем европейской интеграции оставалось стремление если не возглавить интеграционный процесс, то, во всяком случае, затормозить его ход.

Возникнувшая ситуация требовала не только от британской, но и от всех заинтересованных сторон серьезного изучения с тем, чтобы предложить новые варианты сотрудничества западноевропейских стран по проблемам европейской интеграции. Появление лидера интеграционного движения в лице президента Франции требовало от британского кабинета отказа от политики лавирования. Стала очевидна необходимость внесения определенных изменений в европейскую и колониальную политику страны и выработки четкого внешнеполитического курса в отношении континентальной интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pinder J., Usherwood S.* The European Union. Oxford, 2007.
2. *Литкин М.А.* Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС (1957–1974 гг.). СПб., 2009.
3. *Пелипась М.Я.* Суэцкий кризис 1956 г. // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. М., 2003.
4. *British Documents on the End of Empire (BDEE).* Series A. The Conservative Government and the End of Empire. 1951–1957. Vol. 3. Part 1. International Relations. Ed. by R. Nyam, W. R. Louis. L., 1994. P. 105.
5. *Остапенко Г.С.* Британские консерваторы и деколонизация. М., 1995.
6. *Heinlein F.* British government policy and decolonization, 1945–1963: Scrutinizing the official mind. L., 2002.
7. *Западная Европа и США.* Очерк политических взаимоотношений / Под ред. Д.Е. Мельникова. М., 1968.
8. *Macmillan H.* Riding the storm. 1956–1959. L., 1971.
9. *Britain and European integration.* A Documentary history, 1945–1999. L.; N.Y., 2000.

10. *George S.* An awkward partner: Britain in the European Community. N.Y., 1998.
11. *Aldcroft D.H.* The European economy. 1914–1970. L., 1978.
12. *Young J. W.* Britain and the European Unity, 1945–1999. L., 2000.
13. *Жигалов И.И.* Современная история Великобритании (1945–1975 гг.). М., 1978.
14. *Маклэйн Д.* Внешняя политика Англии после Суэца. М., 1972.
15. *Литов С.Ю.* Британский проект создания зоны свободной торговли в Европе и позиция госдепартамента США (1956–1958 гг.) // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений: Сб. науч. ст. Барнаул, 1996.
16. *Мельчионни М.-Г.* Влияние Суэцкого кризиса на переговоры в Брюсселе // История европейской интеграции. М., 1995.
17. *Camps M.* Britain and the European Community, 1955–1963. New Jersey, 1964.
18. *Foreign Relations of the United States (FRUS).* 1955–1957. Vol. IV. Western Security and Integration. Wash., 1986.
19. *Winand P.* Eisenhower, Kennedy and the United States of Europe. N.Y., 1996. P. 115.
20. *Стрежнева М.В.* Великобритания и Западная Европа: политические аспекты. М., 1988.
21. *Англия на постимперском пространстве: уроки для России и Европы.* Доклады Института Европа. М., 2003. № 126.
22. *Кальвокоресси П.* Мировая политика. 1945–2000: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1.
23. *Northedge F.S.* British foreign policy. The process of re-adjustment. 1945–1961. L., 1962.
24. *Tratt J.* The Macmillan government and Europe. A study in the Process of Policy Development. L., 1996.
25. *Great Britain.* Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates (Hansard). Official Report. Session 1957–1958. Vol. 577. Comprising period from 5th November–15th November 1957. L., 1958. Col. 761.
26. *Линкин М.А.* Британский подход к западноевропейской интеграции (1959–1974): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
27. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003.
28. *Middleton D.* The Supreme Choice. Britain and Europe. N.Y., 1963.
29. *Аризакарян М.Ц.* Политическая история Франции XX в. М., 2003.
30. *Де Голль Ш.* Мемуары надежд. Обновление 1958–1962 гг. Европа // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5.
31. *История Франции.* М., 1973. Т. 3.
32. *Пелипась М.Я.* Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003.
33. *Lynch F.M.B.* De Gaulle's First Veto: France, the Rueff Plan and the Free Trade Area // Contemporary European History. 2000. № 9.